

ЭГОЦЕНТРИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО, ОБЪЕКТИВИРУЕМОЕ ЛЕКСЕМОЙ «СУХОДОЛ» В ОДНОИМЕННОЙ ПОВЕСТИ И.А. БУНИНА

Ольга Борисовна Саркисян¹

Государственный социально-гуманитарный университет¹
Коломна, Россия

¹Аспирант кафедры русского языка и литературы, e-mail: kara.o.b@ya.ru

Аннотация. В статье анализируется пространственный континуум как компонент авторской языковой картины мира в повести И.А. Бунина «Суходол». Предметом исследования выступает модусный концепт «пространство», занимающий важное место в понятийном научном аппарате когнитивной лингвистики. Актуальность представленной статьи определяется значимостью проблемы лингвистической репрезентации миромоделирующей универсалии «пространство» и методики её описания. Цель исследования состоит в выявлении языковых механизмов создания эгоцентрического пространства в повести И.А. Бунина «Суходол», выстраиваемого с участием одноименного топонима. Обозначенная исследовательская цель достигается путем решения ряда задач, состоящих в анализе особенностей функционирования топонима «Суходол», в выявлении и анализе когнитивных механизмов профилирования пространственных границ с участием обозначенной лексемы в одноименной повести писателя-неореалиста И.А. Бунина. В выводах, к которым приходит автор статьи, обосновано, что особенности репрезентации концептуальной лексемы «суходол» позволили определить индивидуальное своеобразие и специфику создания эгоцентрического пространства авторской языковой картины мира в одноименной повести И.А. Бунина. Материалы статьи могут найти практическое применение в вузовских курсах по текстологии, когнитивной лингвистике, лингвистическому анализу текста.

Ключевые слова: Суходол, модусный концепт «пространство», эгоцентрическое пространство, механизм языковой интерпретации, языковая картина мира, И.А. Бунин.

Для цитирования: Саркисян О.Б. Эгоцентрическое пространство, объективируемое лексемой «суходол» в одноименной повести И.А. Бунина // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2022. № 1 (294). С. 190–194. DOI: 10.47438/2309-7078_2022_1_190

Введение

Как известно, «в результате взаимодействия человека с миром формируется его система взглядов о нем, складывается некая модель, которую во многих областях научного знания называют картиной мира. Активный интерес, проявляемый в современной филологической науке к семантическому объему термина *языковая картина мира*, а также алгоритмам его анализа, свидетельствует об актуальности лингвистических исследований подобного рода, цель которых состоит в уточнении и конкретизации данного понятия» [16, с. 110]. С учетом сказанного подчеркнем, что «... следствием когнитивной деятельности человека является создание мыслеобразов, иллюстрирующих то, что индивид думает о мире. Исходя из сказанного, актуальность данного исследования определяется обращением к одному из базовых понятий когнитивной лингвистики – языковой картине мира и категории пространства как её компоненту. Как известно, модель мира в любой культуре состоит из набора универсальных концептов, соотношение которых и создает индивидуальную специфику» [9, с. 193]. В контексте сказанного нельзя не согласиться с утверждением

Т.В. Цивьян о том, что языковая картина мира представляет собой «результат переработки информации о среде и человеке» [20, с. 5].

Разрабатывая понятие «языковая картина мира», Н.Н. Болдырев научно обосновывает сам процесс языковой репрезентации, акцентируя внимание на том, что при построении высказывания и работе познавательных процессов, во-первых, важно взаимодействие коллективных и индивидуальных знаний, и во-вторых, сама концептуальная система человека включает в себе избирательную функцию, носит по отношению к миру интерпретирующий характер [3, с. 5]. Человек понимает, интерпретирует, мир вокруг себя благодаря накопленным в течение жизни собственным и коллективным знаниям, хранимым в его концептуальной системе. Иными словами, процесс языкового познания и описания мира, его «языковая интерпретация» есть «вид познавательной активности, процесс и результаты понимания и объяснения человеком мира и себя в этом мире» [3, с. 5]. На этом основании Н.Н. Болдырев выделяет, кроме общеизвестных познавательной (когнитивной) и коммуникативной функций языка, третью функцию – интерпретирующую и соответствующую ей интерпретационный или модусный уровень языковой концептуализации. Именно с этих позиций определяет понятие

«языковая картина мира» ученый, понимая под ним «определённую его интерпретацию и интерпретацию знаний о нём в сознании человека» [3, с. 8], репрезентируемую в «многообразии смыслов на основе структурирования и переструктурирования полученных знаний ... и ... выбора конкретных языковых средств» [3, с. 8]. Иными словами, языковая картина мира – результат, продукт языковой интерпретации мира, тогда как языковая интерпретация мира, с сущностной точки зрения, проявляется в опоре «на типизированные схемы знаний: фреймы, скрипты, когнитивные структуры и модели и т.д.» [3, с. 9] и зависит «от индивидуальной концептуальной системы человека» [3, с. 8].

Языковая интерпретация, как мы уже упоминали выше, реализуется на модусном уровне языковой концептуализации. Модусные концепты заключают в себе функцию особых шаблонов восприятия окружающего мира. Ключевыми миромоделирующими универсалиями, формирующими языковую картину мира, являются концепты «пространство» и «время».

В лингвистической науке накопился большой опыт изучения пространственно-временного континуума художественного произведения. Так, разработана проблема структурной характеристики пространства и времени, отраженных в языке [2; 10; 12], относительности их значений и антропоцентрической сущности этих категорий [17], пространственно-временных свойств предметов в их объективации говорящим [1; 7] дифференциации пространственно-временных форм в языке [13; 19], и средств объективации этих форм [1; 11; 14] и т.д.

Пространство и время, являясь важнейшими формами бытия человека, непосредственно влияют на интерпретацию им окружающей его действительности, чем, по сути, и объясняется интерпретирующей, модусный, функциональный характер концептов «пространство» и «время» как неотъемлемых компонентов языковой картины мира.

Человек самостоятельно структурирует пространство и время, устанавливая границы существующих в пространственно-временном континууме объектов, что, в свою очередь, влияет на членение пространства относительно точки отсчёта, на выбор «пространственной или временной когнитивной точки референции» [6, с. 67]. Как справедливо отметил К. Бюлер, при построении высказывания человек, так или иначе, «следует дейктической схеме референции "я – здесь – сейчас"» [6, с. 74], отталкиваясь от которой он конструирует окружающий мир, типизирует пространство с учетом своих коммуникативных потребностей. Объекты окружающего мира группируются вокруг дейктической координаты, принятой за точку отсчёта, формируя три типа моделирования пространства. В первых, эгоцентрическое пространство, которое структурируется, когда говорящий помещает себя в центр пространства и группировка пространственных объектов осуществляется вокруг него. Точка отсчета, ведущаяся от любого другого субъекта, формирует эндоцентрическое пространство, тогда как представление объектов как пространства, не имеющего явного центра, формирует экзоцентрическое пространство [3, с. 74].

Антропоцентрическая парадигма в языке также реализуется в интерпретации и вторичной концептуализации объектов окружающего мира на основе выявления их обобщающих характеристик. Согласно классификации Н.Н. Болдырева выделяются следующие виды вторичной пространственно-временной концептуализации: 1) группа объектов, ограниченная или противопоставленная другим

объектам; 2) физическое или ментальное пространство «определённого объема или протяженности (открытого или с конкретными границами, включающего или нет самого говорящего)»; 3) вместилище «для объектов или событий (потенциального, пустого или заполненного)»; 4) структура «отношений между объектами или событиями» (логическая, метафорическая, метонимическая) [4, с. 71].

Объектом представленного исследования выступает миромоделирующая универсалия «пространство». Предметом же научно-исследовательского интереса является модусный концепт «пространство» как компонент языковой картины мира. Цель исследования состоит в выявлении языковых механизмов создания эгоцентрического пространства в повести И.А. Бунина «Суходол», выстраиваемого с участием одноименного топонима. Обозначенная исследовательская цель достигается путем решения ряда задач, состоящих в анализе особенностей функционирования топонима «Суходол», в выявлении и анализе когнитивных механизмов профилирования пространственных границ с участием обозначенной лексемы в одноименной повести писателя-неореалиста И.А. Бунина.

Результаты исследования

Повесть И.А. Бунина «Суходол» (1912 г.) посвящена авторским размышлениям об оскудении и вымирании мелкопоместных дворянских гнезд.

В Толковом словаре живого великорусского языка В.И. Даля суходол определяется как «ср. прк. – лощина, долина без воды, сухменное угорье» [8, с. 613]. Несколько более развернуто семантика этой лексемы раскрывается в Толковом словаре Д.Н. Ушакова – «безводная долина, лощина, имеющая влагу только от снеговых и дождевых вод. С суходолов получают сено плохого качества» [18, с. 613]. Как мы видим, в лексическом значении топонима акцентируется засухливость данного места, следствием которой являются небогатые урожаи, влекущие за собой бедность проживающих здесь людей. В метафорическом плане эта сема проецируется на «сухие», бедные событиями, несчастливые судьбы суходольцев. Заданная семантикой заглавия дуплановость репрезентируется на протяжении всего повествования в раскрытии содержания лексемы «суходол», которая в тексте повести вместе с отыменными дериватами насчитывает 109 словоупотреблений.

Пространственно-временная модель, организованная в соответствии с эгоцентрическим принципом, т.е. структурируемая образом рассказчика, репрезентируется 16 словоупотреблениями, среди которых топоним «Суходол» интерпретируется как физическое пространство (5): *А во времена нашего детства случилась такая ссора между Суходолом и Луневым ...* [5, с. 173]; *... мы под вечер подъезжали к Суходолу* [5, с. 174]; *И вдруг, у самого поворота в Суходол, увидели мы ...* [5, с. 174]. Здесь реализуется когнитивный механизм прямого профилирования границ, характеризуемый употреблением рассматриваемого ключевого слова, выраженного лексемой «суходол», со словами-спутниками, имеющими прямое пространственное семантическое значение: *подъезжали* и *поворот*; а также пространственными предлогами *в*, *к* и *между*. В контекстах: *... не видели мы в детстве Суходола* [5, с. 173]; *... нам только Сошки, Суходол да четыреста душ прикинули* [5, с. 183] реализуется когнитивный механизм косвенного профилирования границ, т.к. отсутствуют слова-спутники с пространственным значением – профилирование границ осуществляется за счет топонимической типизации самой лексемы «суходол».

Ментальное пространство с участием топонима «Суходол» (3) формируется с помощью когнитивного механизма косвенного профилирования внешних границ за счет спецификации рассматриваемой лексемы как топонима: *Наши страстные мечты о Суходоле были понятны* [5, с. 170]; *Для нас Суходол был только поэтическим памятником былого* [5, с. 170]; *В тяготенье к Суходолу, в обольщении его стариною долго жили и мы с сестрой* [5, с. 172]. Восприятие описываемого пространства Суходола повествователем репрезентируется словами-спутниками: *мечты, тяготенье, обольщение, развернутым эпитетом поэтический памятник былого, создающими в совокупности возвышенный, романтизированный пространственный образ, рисуемый детским воображением.*

Субъекты, от лица которых ведется повествование, находятся за пределами Суходола. При этом подчеркнем, что Суходол воспринимается семантически шире, чем один из ряда пространственных топосов, номинирующих деревню, поместье, усадьбу: за счет когнитивного механизма метонимического структурирования в профилировании внутренних и внешних границ Суходол осмысливается как некое душевное состояние сопричастности старинному умирающему роду.

В формировании эгоцентрического пространства участвует лексема «суходол», интерпретирующая в результате вторичной концептуализации значение «вместилище» (6): *А потом узнали мы о Суходоле ... что проще, добрей суходольских господ «во всей вселенной не было» ...* [5, с. 170]; *Подрастая, все внимательнее прислушивались мы к тому, что говорилось в нашем доме о Суходоле: ... все резче выступали странные особенности суходольской жизни* [5, с. 170]. Суходол предстает как пространственный объект, характеризующийся рассказчиком со стороны: объектный предлог *о*, с помощью которого образуются предложно-падежные формы лексемы в приведенных примерах, как бы «разбавляет» пространственную семантику топонима. Значение вместилища репрезентируется и другими предложно-падежными формами: *Уже исчезали и те немногие вещественные следы прошлого, что застали мы когда-то в Суходоле* [5, с. 223]; *... прадед наш ... переселился из-под Курска в Суходол ...* [5, с. 182]; *Так что же тянуло нас всех даже к голому выгону, к избам и оврагам, к разоренной усадьбе Суходола?* [5, с. 174]; *... случалось нам отдыхать от городов в тихой и пиццей глуши Суходола ...* [5, с. 223].

Наконец, эгоцентрически организованное пространство, репрезентируемое именными дериватами от лексемы «суходол», осмысливается как группа объектов (2) за счет механизма профилирования партитивных отношений, вследствие чего *суходольцы и суходольские гнёзда* понимаются как часть некоего целого, неразрывно связанного пространства: *– И мы ... навсегда запомнили тот особый, ... запах, что ощущали, целуясь с суходольцами* [5, с. 173–174]; *... исчезали на наших глазах и гнёзда суходольские* [5, с. 223].

Кроме эгоцентрического пространства, в тексте повести лексема «суходол» участвует в создании модели эндоцентрического и нецентрированного, или экзоцентрического, пространства. Если при конструировании эгоцентрического и эндоцентрического пространства интерпретируется первая координата дейктической схемы «я – здесь – сейчас», то при создании нецентрированного пространства актуализируется концептуализация второй и третьей

координат: «здесь» и «сейчас». При его создании субъектами, которые формируют этот тип пространства, являются, в первую очередь, Наталья, судьба которой олицетворяет катящуюся к закату суходольскую жизнь, реже – Аркадий Петрович и Павел Петрович.

Выводы

Обобщая всё вышесказанное, отметим, что в ходе проведенного исследования был обоснован интерпретирующий, функциональный характер концептов «пространство» и «время». Анализ модусного концепта «пространство», объективируемой лексемой «суходол», как компонента авторской языковой картины мира в одноименной повести И.А. Бунина продемонстрировал особенности проявления авторского индивидуального сознания и мировосприятия. Наш научно-исследовательский интерес был связан с выявлением и описанием языковых механизмов создания эгоцентрического пространства в повести, структурируемого, по мнению К. Булера, в соответствии с дейктической схемой референции «я – здесь – сейчас» при актуализации первого компонента этой схемы – «я».

Опора на анализ синтагматических связей лексемы «суходол» в рассмотренных текстовых контекстах, позволила выявить, что эгоцентрическое пространство с использованием лексемы «суходол» в одноименной повести И.А. Бунина формируется с помощью механизмов прямого и косвенного профилирования границ, когнитивного механизма метонимического структурирования и профилирования партитивных отношений. При этом описываемое пространство в результате вторичной интерпретации толкуется как реальное пространство, ментальное пространство, а так же как вместилище объектов. Реальная, физическая интерпретация пространства достигается за счет топонимического значения рассматриваемой лексемы. В противоположность физическому пространству происходит интерпретативное создание ментального пространства, объективированного в повести топонимом «Суходол», что достигается за счет его сочетаемости со словами-спутниками с ментальной семантикой. Репрезентация пространства, интерпретируемого как вместилище объектов, реализуется объективацией рассматриваемого топонима «Суходол» предложно-падежными формами, указывающими на наличие внутреннего пространства рассматриваемого объекта, а также за счет описания наполняющих его объектов и субъектов. Кроме того, эгоцентрическое пространство, являющееся предметом научно-исследовательского интереса автора статьи, интерпретируется как группа объектов и объективируется в тексте при помощи дериватов топонима «Суходол». Проведенное исследование подтверждает тот факт, что «создание текста конкретным писателем отражает не только его личную, индивидуальную картину мира, но и отчасти картину мира того языка, носителем которого он является» [15, с. 15]: основанные на существующих общих мыслительных моделях, в результате вторичной интерпретации языковые формы знания, особым образом обработанные с помощью когнитивных механизмов, приобретают свои специфические выражения в языке художественных произведений конкретного автора.

Конфликт интересов

Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Библиографический список

1. Безукладова И.Ю. Пространство человека и его языковая категоризация. Тамбов : Тамбовский гос. ун-т им. Г.Р. Державина, 2013. 218 с.
2. Бирюкова О.А., Шань П. Обозначение пространства как места осуществления действия при помощи конструкций с предлогами в и на // *Филологические открытия*. 2018. № 6. С. 18–24.
3. Болдырев Н.Н. Антропоцентрическая сущность языка в его функциях, единицах и категориях // *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2015. № 1 (42). С. 5–12.
4. Болдырев Н.Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. 2-е изд., М. : ЯСК, 2019. 480 с.
5. Бунин И.А. Темные аллеи. Окаянные дни. Повести и рассказы. М. : Эксмо, 2015. 640 с.
6. Бюлер К. Теория языка: Репрезентативная функция языка (Языковеды мира). М. : Прогресс, 1993. 501 с.
7. Гофман Т.В. Концептуализация пространства в семантике предлогов (Теоретико-экспериментальное исследование предлогов над, наверху, поверх, сверх, выше, свыше) : дис. ... канд. филол. наук. М., 2005. 179 с.
8. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: современное написание : в 4 т. М. : АСТ : Астрель, 2006. Т. 4: Р–Я. 1144 с.
9. Дубова М.А., Ларина Н.А. Средства лексической репрезентации пространственного континуума в ранних рассказах И.А. Бунина // *Научный диалог*. 2021. № 10. С. 191–212. DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-10-191-212>.
10. Категоризация мира: пространство и время : материалы науч. конф. / отв. ред. проф. Е.С. Кубрякова. М. : Диалог-МГУ, 1997. 245 с.
11. Кимов Р.С. Соматизмы кабардинского языка. Грамматикализация. Нальчик : Кабардино-Балкарский гос. ун-т им. Х.М. Бербекова, 2010. 121 с.
12. Кубрякова Е.С. Семантика в когнитивной лингвистике (о концепте контейнера и формах его объективации в языке) // *Известия РАН. Сер. литературы и языка*. 1999. Т. 58, № 5. С. 3–12.
13. Кубрякова Е.С. О понятиях места, предмета и пространства // *Логический анализ языка. Языки пространств*. М. : Языки русской культуры, 2000. С. 84–92.
14. Куксова Н.А. Глагол как средство функциональной категоризации пространства в современном английском языке : дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2006. 168 с.
15. Ларина Н.А. Миромоделирующие универсалии в малой прозе Леонида Андреева и Валерия Брюсова. М. : ИМПЭ им. А.С. Грибоедова, 2018. 350 с.
16. Саркисян О.Б., Дубова М.А. Концептуальное содержание лексемы «жизнь» в авторской языковой картине мира (на материале повести И.А. Бунина «Деревня») // *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*. 2021. № 3 (156). С. 110–115.
17. Селиверстова О.Н. Понятие «множество» и «пространство» в семантике синтаксиса // *Известия АН СССР. Сер. Литература и язык*. 1983. Т. 42, № 2. С. 142–150.
18. Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь современного русского языка: 180 000 слов и словосочетаний. М. : Альта-Принт : ДОМ. XXI век, 2009. Т. VII. 1239 с.
19. Хомякова Е.Г. Эгоцентризм речемыслительной деятельности. СПб. : Изд-во С.-Петербург. гос. ун-та, 2002. 220 с.
20. Цивьян Т.В. Лингвистические основы балканской картины мира / отв. ред. В.Н. Топоров. М. : Наука, 1990. 207 с.

References

1. Bezukladova, I.Yu. (2013) *Prostranstvo cheloveka i ego yazykovaya kategorizatsiya* [Human space and its linguistic categorization]. Tambov, Tambov state university im. G.R. Derzhavin. 218 p. (In Russian)
2. Biryukova, O.A., Shan', P. (2018) Oboznachenie prostranstva kak mesta osushchestvleniya deistviya pri pomoshchi konstruktsii s predlogami v i na [Designation of space as a place for the implementation of an action using constructions with prepositions in and on]. *Filologicheskie otkrytiya*. (6), 18–24. (In Russian)
3. Boldyrev, N.N. (2015) Antropotsentricheskaya sushchnost' yazyka v ego funktsiyakh, edinitсах i kategoriyakh [Anthropocentric essence of language in its functions, units and categories]. *Voprosy kognitivnoi lingvistiki*. 1 (42), 5–12. (In Russian)
4. Boldyrev, N.N. (2019) *Yazyk i sistema znaniy. Kognitivnaya teoriya yazyka* [Language and knowledge system. Cognitive theory of language]. Moscow, YaSK publ. 480 p. (In Russian)
5. Bunin, I.A. (2015) *Temnye allei. Okayannye dni. Povesti i rasskazy* [Dark alleys. Cursed days. Stories and stories]. Moscow, Eksmo publ. 640 p. (In Russian)
6. Buhler, K. (1993) *Teoriya yazyka: Rezentativnaya funktsiya yazyka* [Theory of language: Representative function of language (Linguists of the world)]. Moscow, Progress publ., 1993. 501 p. (In Russian)
7. Goffman, T.V. (2005) *Kontseptualizatsiya prostranstva v semantike predlogov (Teoretiko-eksperimental'noe issledovanie predlogov nad, naverkhu, poverkh, sverkh, vyshe, svyshe)*. Diss. kand. filol. nauk [Conceptualization of space in the semantics of prepositions (Theoretical and experimental study of prepositions above, above, above, above, above)]. Cand. philol. sci. diss.]. Moscow. 179 p. (In Russian)
8. Dal, V.I. (2006) *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: sovremennoe napisanie. T. 4* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: modern writing. Vol. 4]. Moscow, AST, Astrel publ. 1144 p. (In Russian)
9. Dubova, M.A., Larina, N.A. (2021) Sredstva leksicheskoi reprezentatsii prostranstvennogo kontinuum v rannikh rasskazakh I. A. Bunina [Means of Lexical Representation of Spatial Continuum in Early Stories of I. A. Bunin]. *Nauchnyi dialog*. (10), 191–212, DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-10-191-212>. (In Russian)
10. Kubryakova E.S. (ed.) (1997) *Kategorizatsiya mira: prostranstvo i vremya: materialy nauch. konf.* [Categorization of world: space and time: scientific materials. conf.]. Moscow, Dialogue-MGU publ. 245 p. (In Russian)

11. Kimov, R.S. (2010) *Somatizmy kabardinskogo yazyka. Grammatikalizatsiya* [Somatisms of the Kabardian language. Grammarization]. Nalchik, Kabardino-Balkarskii Gos. Univ. im. Kh.M. Berbekova. 121 p. (In Russian)
12. Kubryakova, E.S. (1999) Semantika v kognitivnoi lingvistike (o kontsepte konteineri i formakh ego ob"ektivatsii v yazyke) [Semantics in cognitive linguistics (on the concept of a container and the forms of its objectification in language)]. *Izvestiya RAN. Ser. literature and language*. 58 (5), 3–12. (In Russian)
13. Kubryakova, E.S. (2000) On the concepts of place, subject and space. In: Logical analysis of language. Languages of spaces. Moscow, Languages of Russian culture publ., pp. 84–92. (In Russian)
14. Kuksova, N.A. (2006) *Glagol kak sredstvo funktsional'noi kategorizatsii prostranstva v sovremennom angliiskom yazyke*. Diss. kand. psihol. nauk [Glagol as a means of functional categorization of space in modern English. Cand. philol. sci. diss.]. Tambov. 168 p. (In Russian)
15. Larina, N.A. (2018) *Miromodeliruyushchie universalii v maloi proze Leonida Andreeva i Valeriya Bryusova* [World-modeling universals in the small prose of Leonid Andreev and Valery Bryusov]. Moscow, IMPE im. A.S. Griboyedova. 350 p. (In Russian)
16. Sarkisyan, O.B., Dubova, M.A. (2021) Kontseptual'noe sodержanie leksemy «zhizn'» v avtorskoi yazykovoi kartine mira (na materiale povesti I.A. Bunina «Derevnya») [Conceptual content of the lexeme “life” in the author’s linguistic picture of the world (based on the story “Village” by IA Bunin)]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 3 (156), 110–115. (In Russian)
17. Seliverstova, O.N. (1983) Ponyatie «mnozhestvo» i «prostranstvo» v semantike sintaksisa [The concept of “set” and “space” in the semantics of syntax]. *Izvestiya AN SSSR. Ser. Literatura i yazyk*. 42 (2). 142–150. (In Russian)
18. Ushakov, D.N. (2009) *Bol'shoi tolkovyi slovar' sovremennogo russkogo yazyka. 180 000 slov i slovosochetanii. T. VII* [The Comprehensive Explanatory Dictionary of the Modern Russian Language. 180,000 words and phrases. Vol. VII]. Moscow, Alta-Print, DOM. XXI vek publ. 1239 p. (In Russian)
19. Khomyakova, E.G. (2002) *Egotsentrizm rechemyslitel'noi deyatel'nosti* [Egocentrism of speech-thinking activity]. St. Petersburg, Izd-vo S.-Peterb. gos. un-ta. 220 p. (In Russian)
20. Tshiv'yan, T.V., Toporov V.N. (eds.) *Lingvisticheskie osnovy balkanskoj kartiny mira* [Linguistic foundations of the Balkan picture of the world]. Moscow, Nauka publ., 1990. 207 p. (In Russian)

Поступила в редакцию 24.01.2022

Подписана в печать 28.03.2022

Original article

UDC 811.161.1

DOI 10.47438/2309-7078_2022_1_190

EGOCENTRIC SPACE OBJECTED BY LEXEME DRY VALLEY IN THE EPONYMOUS NOVEL OF I.A. BUNIN

Olga B. Sarkisyan¹

State Social and Humanitarian University¹
Kolonna, Russia

---

¹Postgraduate Student of the Department of Russian Language and Literature,
e-mail: kara.o.b@ya.ru

Abstract. The purpose of the article is to analyze the spatial continuum as a component of the author’s linguistic worldview in the novel “Dry Valley” by Ivan Bunin. The subject of the present study is to explore modus concept of “space”, which is of utmost importance for cognitive linguistics. The relevance of the article in question is in addressing the problem of representing the world-modeling universal “space” using lexical means and the methods of its description. Thus, the purpose of the study is to identify the linguistic mechanisms of creating an egocentric space around the toponym with gave the name to Ivan Bunin’s novel. The aim of the study mentioned above is achieved by fulfilling a set of tasks, namely: analysis of the peculiarities of the functioning of the toponym “Dry Valley”; identification and analysis of the cognitive mechanisms of profiling of spatial boundaries using the lexeme mentioned. In the conclusion, we argue that the peculiarities of the representation of the conceptual lexeme “Dry Valley” made it possible to determine the originality and specificity of the egocentric space of the novel and its role in the formation of the linguistic worldview in the eponymous novel. The findings and of the article as well as the arguments presented therein can be widely applied in university courses on textology, cognitive linguistics, linguistic text analysis and stylistics.

Key words: Dry Valley, modus concept “space”, egocentric space, mechanism of linguistic interpretation, linguistic worldview, Ivan Bunin.

Cite as: Sarkisyan, O.B. (2022) Egocentric space objected by lexeme Dry Valley in the eponymous novel of I.A. Bunin. *Izvestia Voronezh State Pedagogical University*. (1), 190–194. DOI 10.47438/2309-7078_2022_1_190 (In Russ., abstract in Eng.)

Received 24.01.2022

Accepted 28.03.2022